

ПЕРВЫЙ БОЙ

Дневник был безнадежно испорчен. Историчка постаралась, и чернила на замечании и двойках проступили с обратной стороны. Поменять шесть страниц в дневнике просто не было времени, а в три часа взвешивание в клубе Спартака и если я перед соревнованиями покажу тренеру такой дневник, то меня не только к бою не допустят, но вообще выгонят из секции.

Я решил сказать тренеру, что дневник на проверке, а пока спрятать его на время. Но в комнате это делать было опасно. Однажды отец нашел под днищем моей тумбочки два дневника, в которых стояли три фиолетовых прямоугольных штампа с надписью внутри:

«Исключён из школы
за плохое поведение на три дня»,
и подпись директора.

Штамп в те годы означал в школе высшую меру наказания, выше была только колония для несовершеннолетних.

Выбрасывать дневник тоже было опасно. Однажды я бросил дневник в щель крышки водосточного люка. И в тот же день в этот люк, на кой-то черт, полезли водопроводчики и обнаружили мой дневник.

«А я знаю, чей это дневник», – похвасталась дворничиха, прочитав на обложке мою фамилию.

В тот день я вырезал из дерева уменьшенную копию гранаты-лимонки, которой успел напугать многих ребят, прежде чем ее отобрала у меня директриса. Обычно ребята совсем не реагировали, если на них направить отлично сделанный вороненый пугач, но когда они видели, как я выдергиваю чеку из запала черной гранаты и растерянно говорю при этом: «Ой, сейчас рванет», – то пугались страшно. Тут в прихожей раздался звонок. Отец пошел открывать дверь, и через минуту вернулся в комнату, листая мой грязный дневник. Он был так разъярен, что не стал доставать ремень, а отлупил меня прямо на месте этим дневником. Вот уж не думал, что может быть так больно от тоненькой бумажной тетрадки.

Возвратившись домой, я тщательно спрятал дневник на антресолях в прихожей, схватил чемоданчик и помчался на остановку. По дороге обнаружил, что забыл дома спортивные тапочки, но возвращаться не стал, так как был уверен, что без дневника тренер всё равно меня к бою не допустит.

Боксёрский зал Спартака мне очень понравился. На середине ринг с белыми канатами, а за ним у стены длинный судейский стол. У дверей тренерской совещались рефери в белых рубашках и черных галстуках-бабочках. Там был и наш тренер Владимир Иванович в синем спортивном костюме с эмблемой Буревестника и надписью «СССР».

Знакомый парень показал мне, где раздевалка. Наши ребята, уже переодетые в спортивную форму, с дневниками в руках сидели на длинной гимнастической скамейке. Я пристроился у стены. Вошёл тренер и стал проверять дневники: кого-то хвалил, кому-то советовал подтянуться. После проверки счастливые ребята сразу бежали на взвешивание.

– А твой дневник где? – спросил Владимир Иванович.

– На проверку взяли, – соврал я, прилагая титанические усилия, чтобы не покраснеть, – и еще не вернули.

– А ты не врешь? – тренер подозрительно посмотрел на меня.

Я развел руками, всем своим видом показывая: «Что вы, как можно, вам?»

– А почему ты не в форме? – вдруг спросил тренер.

– Так дневника же нет, – удивился я его непонятливости, – вот и не взял форму.

– Ладно, иди в зал.

Зал у Спартаковцев был просторней нашего. На одной стене висели большие зеркала, перед которыми вели «бой с тенью» спартаковцы. Несколько человек отчаянно лупили по мешкам забинтованными кулаками, остальные, разбившись на пары, разминались, играя в «пятнашки». В зале стоял запах кожаных боксерских перчаток и пота. На краю стола, застеленного белой скатертью, сверкал металлический диск гонга.

Судьи и рефери утверждали списки боевых пар. Вдруг ко мне подошел Владимир Иванович.

– Анатолий, есть для тебя пара. Правда, у спартаковца второй разряд, а ты новичок, но в этом весе только ты один от нашего общества. Не бойся, раунд продержишься, а на втором я полотенце выкину. Быстро в раздевалку и достань у ребят форму, живо!

Я побежал в раздевалку, а в животе всё замирало от страха: если бы хоть третий разряд, а тут второй. Я отлично знал, что новичку победить в бою второразрядника практически невозможно. Тут случайностей почти не бывает. Но для меня было проще умереть, чем не оправдать доверие тренера.

В раздевалке из наших ребят были только взрослые разрядники. Быстро переодевшись, я долго уговаривал здоровенного полутяжа отдать мне спортивные тапочки.

– А как мне идти в зал, босиком что ли? – возмутился он моей наглости.

Появился тренер и крикнул парню:

– Самсонов, быстро отдай ему боксерки. Белов, на ринг!

Боксерки Самсонова по существу были полукедами и оказались мне настолько велики, что пришлось привязать их к ноге длинными шнурками через подошву.

В сопровождении босого Самсонова, который решил стать моим секундантом, мы вышли в зал. В огромных полукедах я смотрелся как Чарли Чаплин в комедийном фильме. Внутри от напряжения всё затвердело. Хотелось сделать невозможное и победить наперекор судьбе!

Самсонов оправился разузнать что-нибудь о моём противнике. Я присел на маты и смотрел бой на ринге. Заканчивался второй раунд у разрядников. Ребята сорвались на обмен ударами и, забыв про защиту, бездарно и остервенело лупили друг друга. На крики и призывы секундантов боксеры не обращали внимания.

Вернулся Самсонов и показал моего противника. Худощавый спартаковец значительно превосходил меня ростом. Головка у него была маленькая, шея высокая, а плечи узкие и покатые. Зато руки у парня были необыкновенной длины. Чем-то он напоминал богомола – удивительное насекомое, чучело которого я видел в зоологическом музее. Красивыми четкими сериями парень бил по боксерским лапам на руках его тренера.

Самсонов проверил бинты у меня на руках и помог надеть новенькие кожаные перчатки. Я, не отрываясь, смотрел на противника.

На ринге закончился бой, вернее его прекратил рефери, которому так и не удалось остановить беспорядочный обмен ударами. Обоих боксёров дисквалифицировали.

Как сквозь вату я услышал свою фамилию. Самсонов повел меня в синий угол. Ноги мои едва сгибались от напряжения.

– Ну-ка, расслабься, – тренер тряхнул меня за плечо, – прыгай и трясись руками.

Напряжение прошло. Я нырнул под канаты. В другом углу ринга мой противник, разминаясь перед боем, молотил перчатками по ладоням тренера.

Владимир Иванович и Самсонов что-то мне говорили, но я ничего не понимал и смотрел только на противника. В точности я и сам не знал, чего во мне больше – трусости или храбрости. Рефери вышел в центр ринга и пригласил боксеров на середину.

Мы сошлись. Длинный протянул руки для приветствия, а я, забыв, что должен пожать его перчатки, налетел на противника и успел несколько раз съездить ему по лицу, прежде чем рефери меня поймал и, как пушинку, отбросил в синий угол ринга. Народ зашумел, кто-то хохотал. Владимир Иванович кинулся к судейскому столу, и я слышал, как он горячо объяснял:

– Переволновался парень, зачем же сразу дисквалифицировать?

Я даже не сообразил, что нарушил святой боксерский этикет, и сверлил глазами противника. Длинный смотрел на меня со страхом, будто его укусили. Во всяком случае он не был вполне уверен, что я не сделаю это во время боя, если меня немедленно не дисквалифицируют.

Судьи решили допустить меня к бою, но рефери сделал мне предупреждение, и снова пригласил боксёров на середину. В этот раз он на всякий случай придерживал меня рукой, чтобы я не кинулся на противника. Но я уже овладел собой и пожал Длинному перчатки. Что говорил нам рефери, я просто не слышал и сверлил Длинного глазами. Было видно, что он меня уже немного побаивается.

Ударил гонг, и мы сошлись в центре. Я, словно кабан, ринулся вперед, но нарвался на такой сильный удар, что перед глазами замелькали красные искорки. На моё счастье Длинный почему то не добил меня и отступил. Он работал на отходах в какой-то невиданной стойке – далеко выставив вперед левую ногу, откинув корпус и плечи назад, а голову держа вертикально. Несмотря на очевидную нелепость такой стойки, до его головы мне было никак не дотянуться, и он своими длинными руками пресекал все мои попытки нанести удар в голову.

Я бегал за Длинным по рингу, пытаюсь нанести сокрушительный удар, но наткнулся на болезненные встречные джеббы и на моих губах уже не было живого места. Мне не удалось попасть ему даже по корпусу. Спартаковцу определенно светила победа. Я помнил, что у меня только один раунд и в конце его тренер выбросит полотенце, а это означало отказ от боя из-за физического состояния боксёра.

От беготни по рингу я уже запыхался, а противник освоился, на губах его появилась усмешка. Второразрядник порхал вокруг меня как бабочка.

Усилием воли я погасил слепящую ярость и, наконец, вспомнил совет тренера. Заняв центр ринга, я вдруг опустил руки. Длинный кружил вокруг, ожидая, когда я снова на него брошусь. Но я изменил тактику. До его головы мне всё равно не дотянуться и я решил бить в солнечное сплетение. Рефери сделал Длинному замечание за пассивное ведение боя.

Фехтуя левой рукой, я пошёл в атаку, но удара не наносил. Противник что-то почувствовал и стал отступать. Рефери сделал ему второе замечание за уклонение от боя. Секундант Длинного что-то выкрикнул, и противник стал обстреливать меня с дистанции хлесткими джеббами. Это мне и было нужно. Ныряя под его удары, я два раза попал спартаковцу в печень. Не такой уж он неуловимый.

Самсонов орал мне «молодец». Тренер Длинного что-то кричал ему, призывая изменить тактику. Но я уже нащупал брешь в обороне противника и шел на него быстро и неукротимо, стараясь бить только под его удар. Но все равно я пропускал больше ударов, чем наносил сам.

– Пятнадцать секунд, – крикнул Самсонов.

Ныряя корпусом вправо влево, я ускорил темп атаки и продолжал наступать. Спартаковец занервничал и решил провести встречную серию мне в голову. Тут я его опередил и нанёс сильный удар под ложечку.

Длинный сложился пополам. Наши и спартаковцы дружно заорали. Рефери открыл счет. Спартаковец выпрямился, но бой продолжать уже не мог, и его тренер выбросил полотенце.

– Молодец! – Владимир Иванович похлопал меня по мокрой от пота спине. – Победить слабого легко, но чтобы уважать себя, надо одолеть более сильного противника. Наверное, двоек в дневнике полно – уж больно ты отчаянно дрался, – засмеялся тренер.

Я скромно потупил очи, хотя оба внутренних голоса во мне просто визжали от восторга и горячо поздравляли друг друга с блестящей победой. Разбитое лицо горело, но внутри звучал победный гимн.

Однако закон Мерфи гласит: «Если какая-нибудь неприятность может случиться, она случается».

Дома меня ждал сюрприз: антресоли в прихожей были разобраны, и по виду отца было нетрудно догадаться, что в руке за спиной он держит мой дневник.

– Только попробуй, ударь, – вдруг неожиданно для себя предупредил я отца, и смело пошел в комнату.

Отец сначала опешил, но, спохватившись, все-таки влепил мне довольно внушительный подзатыльник, который я решил не заметить. Это было последнее наказание в моей жизни, отец больше пальцем до меня не дотронулся.